ПРОКАТЪ.

Давно и видно таки порядочно давно, потому что нынѣ ужъ ничего подобнаго намъ видомъ не увидать, слыхомъ не услыхать, давно когда–то случилось вотъ что, и вотъ какъ.

Былъ балъ, и не только одинъ только балъ, а пиръ и празднество, какъ рѣдко кому случилось видѣть; торжество угостительнаго искусства; обѣдъ на диво; прогулки и катанья съ разными затѣями — сущая прелесть; напитки всякаго рода: опохмѣлительныя, прохладительныя, и средніе между ними, по немножку того и другаго, то есть все это лилось рѣкой; сласти привозныя, завозныя, выписныя, заморскія — ѣшь не хочу; за тѣмъ танцы, музыка, балъ подъ огромнымъ, великолѣпнымъ шатромъ, въ сельскомъ и военномъ вкусѣ, т. е. съ подбоемъ малиноваго бархата, — угощенія до нельзя, ужинъ, опять пляска.... словомъ, если бы вся потѣха эта не кончилась уже давно, то

длилась бы по сегоднишній день. Не только весь уѣздъ, вся губернія долго, долго не могла опомниться отъ весьма основательнаго изумленія.

Праздникъ этотъ данъ былъ молодымъ артиллерійскимъ капитаномъ, командиромъ роты. Вѣрно былъ очень богатъ. Но за то, какъ онъ и тѣшился, какъ онъ увивался вокругъ прелестныхъ красавицъ сельскихъ, которыя дюжинами разгуливали подъ широкимъ, малиновымъ навѣсомъ шатра, украшеннаго золотыми снурами и кистями.... вихремъ носились онѣ, то парами, то цѣлыми вереницами.... плавно расхаживали, какъ праздничные стружки, пускаемые подъ разноцвѣтными, пестрыми значками.... Кто счастливица, гдѣ она, на которую падетъ окончательный выборъ молодаго, прекраснаго собой капитана? Въ его лѣта, съ его наружностію, съ этимъ очаровательнымъ обращеніемъ и обаятельнымъ молодечествомъ, съ его богатствомъ, роскошью и умѣньемъ жить, нельзя было не побѣдить и самое суровое, неприступное сердце, съ перваго взгляда;

въ этомъ не было спору, и всѣ давно уже молча на это согласились; но кого онъ изберетъ, какую смертную осчастливитъ? Правда, лихость его, это отчаянное молодечество, пугало иныхъ, болѣе опытныхъ старичковъ, и они старались поселить въ семейномъ кругу своемъ нѣкоторую недовѣрчивость къ обольстительнымъ пріемамъ капитана.... но маменьки, считая себя въ этомъ дѣлѣ гораздо смышленѣе колпаковъ своихъ, папенекъ, были увѣрены, что капитанъ придумалъ всѣ затѣи эти исключительно и собственно для ихъ дочери; дочки же, утративъ вмѣстѣ съ сердцемъ всякое соображеніе и самый умъ и разсудокъ, считали дѣло это рѣшенымъ....

— Другъ мой, сказала плотная помѣщица, войдя таинственно въ комнату супруга своего, который только что намылилъ бороду и принялся править скребницу свою, какъ онъ обыкновенно называлъ бритву: — другъ мой, я пришла объявить тебѣ радость: капитанъ наконецъ объяснился передъ Лизой, она мнѣ

призналась во всемъ; слава Богу, стало быть дѣло кончено, и тебѣ, другъ мой, надо бы ѣхать къ нему, и съ нимъ поговорить; — а? не правда ли?

Намыленный супругъ промычалъ что–то неопредѣлительное, но этимъ не отдѣлался; заботливая мать настоятельно требовала положительнаго отвѣта. Онъ оставилъ поднесенную къ бородѣ бритву и отпустилъ складку, натянутую ужимкою на лицѣ, для бритья. За чѣмъ же я поѣду, сказалъ онъ, и что же я скажу? Не лучше ли выждать, покуда онъ первый заговоритъ? Въ наше время такъ водилось. — Да вѣдь я же тебѣ говорю, что онъ уже объяснился! — Ну, матушка, еще это Богу извѣстно, какъ онъ тамъ объяснялся; да вѣдь чай не обойдетъ же онъ насъ съ тобой, когда задумаетъ поворотить съ шалостей на дѣло; тогда успѣемъ поговорить съ нимъ; это не долго. Но супруга утверждала, что теперь ожидать болѣе нечего, и непремѣнно надобно поговорить съ капитаномъ, чтобы его не перебили и не совратили сосѣди; бѣдный колпакъ вертѣлся туда и сюда, но наконецъ

долженъ былъ уступить, сказавъ, что все это хорошо, и справедливо; но прибавилъ, что онъ подумаетъ; супруга его отвѣчала на это очень основательно, что ему тутъ нечего думать, когда ужъ думали другіе, и думала она сама, и передумала все; что это женское дѣло, что ему, какъ отцу, надо искать счастья дочери своей, а не разорять его; но, пользуясь выгодою своего положенія, то есть, намыленною бородою и заботою около скребницы, супругъ успѣлъ протянуть бесѣду эту, покуда мыло на бородѣ разъ другой не обсохло, и за тѣмъ убѣдить супругу, что надобно же напередъ кончить одно дѣло и по крайности выбриться; иначе де вотъ онъ порѣжется скребницей, и тогда нельзя будетъ и выѣхать. Нечего дѣлать, супруга отстала отъ него, и дала ему отсрочку.

— Какъ ты думаешь, спросила другая помѣщица мужа своего, отчего бы капитанъ о сю пору не присылалъ никого переговорить съ нами о Лидинькѣ? — Подождешь еще, не торопись, отвѣчалъ тотъ; это молодецъ, дошлый человѣкъ на

такія дѣла; ихнему брату не очень вѣрить можно по этой части; онъ наровитъ себѣ, можетъ статься, совсѣмъ не то, что ты думаешь. — Какъ такъ? я тебя не понимаю. — Поживешь, да коли не избавитъ Богъ, такъ поймешь. У тебя съ Лидинькой на умѣ одно, а у него другое. Это у нихъ такъ водится. — Нѣтъ, Иванъ Андреичъ, я знаю, что говорю: это ужъ я вѣрно знаю; а я думаю, что у него просто некого прислать; человѣкъ онъ одинокій, заѣхалъ сюда съ ротой своей на чужбину, вотъ сердечный и выходитъ почти сирота: на свѣтѣ не безъ добрыхъ людей, конечно, да вѣдь всякая о себѣ и думаетъ, да о своихъ, такъ ему къ намъ–то прислать и некого; ты знаешь, у насъ тутъ все завистники да завистницы, доброхотки вѣдь нѣтъ ни одной, все злорадки; ну, а самъ–то онъ приступиться не смѣетъ, вотъ дѣло–то и тянется. — Не замѣтилъ я что–то въ немъ этой робости, отвѣчалъ супругъ. — Все таки, продолжала она, вѣдь какъ хочешь, а шагъ важный, самому трудно за себя говорить и неприлично; безстыдникомъ

назовутъ всѣ сосѣдки. — Ахъ какой милашка онъ, — какой обворожительный.... Маша, я отъ него безъ ума! Боже мой, еслибъ ты только знала, если бъ ты слышала, что онъ мнѣ вчера говорилъ — о, я безъ ума! Маша, какъ ты думаешь, скоро онъ за меня посватается?

Эта бесѣда, какъ читатель догадывается, происходила опять въ иномъ, третьемъ мѣстѣ и добрая Маша, подруга счастливой, мнимой невѣсты, не смѣя, по красотѣ и богатству, равняться со снисходительною подругою своею, радовалась за нее, хотя и слушала иногда, потупивъ глаза и вздыхая, повѣряемыя ей тайны бывшихъ объясненій. Капитанъ сказалъ даже этой красавицѣ и богатой невѣстѣ, что отдалъ бы половину жизни своей за ея признаніе въ любви, и для бѣдной Маши было тутъ одно только обстоятельство не совсѣмъ понятно; чего еще домогался капитанъ и за что хотѣлъ жертвовать жизнію, когда подруга ея, какъ сама ей прежде каялась, ужъ раза три или четыре была доведена до этого сознанія, и давно во всемъ ему созналась....

— Кто бы могъ подумать это, говорилъ небольшой плѣшивый старичекъ, сидя вечеромъ за стаканомъ пунша съ пріятелемъ–сосѣдомъ; — вѣдь волокита нашъ, говорятъ, женится; да и на комъ бы вы думали? — На Нѣмовой? — Мальевой? — Судоходниковой? — Поджилкиной? — Стегоновой? — Такъ посыпались вопросы со всѣхъ сторонъ; а онъ продолжалъ самодовольно: ничего не бывало, всѣ богачки и красавицы наши останутся, съ позволенія сказать, съ носомъ: на малюткѣ и бѣдняжкѣ Хорошиловой; да, на ней!

— А я слышалъ совсѣмъ другое, сказалъ сосѣдъ; — впрочемъ не выдаю за вѣрное, а слышалъ отъ человѣка надежнаго, отъ Анны Даниловны: она говорила, что онъ собирается сватать — какъ бишь ее — молоденькую гувернантку у Межевыхъ; они прочили дочь за него, а тутъ вдругъ и вышло наружу, не думано, не гадано, что онъ мѣтитъ не на дочь, а на гувернантку! Вотъ какое дѣло!

— Какъ? неужели? Марья Алексѣевна! Матушка, поди сюда, послушай вотъ, что

сосѣдъ говоритъ: будетъ тебѣ потѣха, ей Богу! говорятъ, что капитанъ и Межевыхъ надулъ — ха, ха, ха! и малютку Хорошилову, да, а вотъ будто приголубился къ гувернанткѣ ихъ, а?

Словомъ, два или три уѣзда сходили съ ума по капитанѣ, и у кого только была дочь, тотъ былъ въ хлопотахъ: одинъ прочилъ ее за капитана, считая такого жениха истиннымъ благословеніемъ небесъ, другой бредилъ на яву и считалъ ее уже почти просватанною; кто былъ въ нерѣшимости и недоумѣніи, кто остерегалъ дочь, если по знатности, богатству и красотѣ не считалъ ее ровней прочихъ невѣстъ, — а кто, махнувъ рукой, отдавался во власть господню и супруги своей, разъѣзжалъ слѣдомъ за капитаномъ по всѣмъ обѣдамъ и вечерамъ, пилъ, ѣлъ, игралъ въ вистъ по маленькой, хохоталъ гдѣ было весело, и только по временамъ заглядывалъ въ танцовальную залу, отыскивая осторожно, изъ–за табакерки, капитана и переводя съ него глаза на свою дочь.

Надобно же вамъ теперь сказать словечко и о капитанѣ. Что онъ умѣлъ пожить, на людей посмотрѣть и себя показать, это мы уже видѣли; что онъ, задавая самъ великолѣпныя, роскошныя празднества и охотно разъѣзжая по помѣщикамъ, влюблялся не иначе, какъ въ цѣлыя дюжины красавицъ вдругъ, объ этомъ, кажется, читатель догадывается; но вотъ чего, можетъ быть, читатель еще не знаетъ: капитанъ жилъ одной службой, у него не было своего ровно ничего: онъ, какъ говорится, вездѣ бралъ грудью и службой, исправностію, умѣньемъ, молодецкимъ обычаемъ.... Онъ былъ еще молодъ, когда ему дали роту, какъ отличному служакѣ, и вскорѣ рота его стала славиться, какъ одна изъ лучшихъ и самыхъ исправныхъ. Попавъ съ конною ротой въ истинный рай для него, гдѣ продовольствіе было ни по чемъ, гдѣ въ окружности жило множество помѣщиковъ, семейныхъ, радушныхъ, свѣтскихъ и житейскихъ, гдѣ у каждаго помѣщика было — либо по молоденькой и

хорошенькой женѣ, либо по взрослой, пышной дочери, даже у нѣкоторыхъ по двѣ и по три — капитанъ нашъ порастерялся; глаза у него разбѣжались, и онъ принялся съ такимъ усердіемъ за угощенія и празднества, что вскорѣ для него одного стало не доставать того, что отпускалось на содержаніе цѣлой конной артиллерійской роты. Обстоятельства становились все тѣснѣе и тѣснѣе, а между тѣмъ, по всѣмъ соображеніямъ, не было никакой возможности сократить расходы; напротивъ, необходимо было дать вскорѣ великолѣпный, небывалый доселѣ праздникъ, который давно уже былъ обѣщанъ дѣвицамъ, а въ особенности одной молодой дамѣ, на которой впрочемъ капитану никакъ нельзя было жениться, потому что у нея былъ такъ называемый живой мужъ. Не менѣе того, она какъ царица всѣхъ празднествъ, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала обѣщаннаго пира, напоминала объ немъ съ миловидною улыбкою капитану и сама первая распустила по околотку слухъ о

предстоящемъ, завѣряя каждаго, что такого великолѣпія еще никто не видалъ. Отвѣчая на всѣ распросы, капитанъ говорилъ каждой красавицѣ порознь только одно: что пиръ этотъ даетъ онъ для нея лично, хотя этого никто не будетъ знать, и что по сему самому онъ не пожалѣетъ ни трудовъ, ни хлопотъ и никакихъ издержекъ.

Когда капитанъ наконецъ остался одинъ и нѣсколько опомнился, то призадумался. Ужъ и такъ далеко хвачено было напередъ, все забрано, все прожито, и даже болѣе чѣмъ все.... Но какъ же быть бѣдному капитану, коли онъ попалъ въ такіе тиски? — Неужто ему опозориться на такой вызовъ, обмануть всѣ эти блестящія надежды, отказаться самому отъ неисчерпаемыхъ наслажденій и ударить лицомъ въ грязь? — А какъ же ему быть, спрошу я еще, коли страсть его была такъ велика, что всякая другая величина казалась капитану качественно–несоразмѣримою съ любовью его, какъ, напримѣръ, аршинъ съ фунтомъ или гарнецъ съ десятиной?.... Онъ махнулъ

рукой и вскочилъ, съ такою рѣшимостію, что если бы дѣло стоило ему полголовы или полвѣка жизни, то и тогда бы онъ не въ силахъ былъ отъ него отказаться. Вотъ что подало поводъ къ необычайнымъ затѣямъ капитана, въ которыхъ десятисаженный, бархатный шатеръ съ золотыми кистями занималъ конечно не послѣднее мѣсто.

На чей же счетъ все это дѣялось и строилось, откуда взялись деньги? этотъ вопросъ также не послѣднiй въ настоящемъ дѣлѣ; капитанъ нашъ, какъ опытный и изворотливый хозяинъ, рѣшилъ его удачно, то, есть, наличныя деньги нашлись, и даже нашлась такая огромная сумма, какъ ему было нужно. Приступая къ объясненiю этого обстоятельства, мы еще разъ считаемъ нужнымъ напомнить, что описываемый нами случай происходилъ уже очень давно; само собою разумѣется, что при новѣйшихъ порядкахъ не могло бы случиться ничего подобнаго.

И такъ капитанъ нашъ сдѣлалъ вотъ что: онъ разсудилъ, что рѣшительно не къ чему содержать въ мирное время конную

артиллерійскую роту въ такомъ видѣ, будто ей завтра же выступать противъ непріятеля. Слава Богу, все спокойно, невозможно и ожидать теперь какихъ–нибудь движеній — изъ вѣдомостей нашихъ уже видно, что во всей Европѣ господствуетъ непробудный покой. Далѣе, разсуждалъ капитанъ, стоимъ мы въ самой срединѣ, въ глубинѣ Россіи; какой тутъ непріятель? — Покуда очередь дойдетъ до меня, я успѣю справиться и снарядиться; къ чему же содержать нѣсколько сотъ дорогихъ лошадей, и сверхъ того еще кормить ихъ? Я на одномъ фуражѣ выиграю въ нѣсколько мѣсяцевъ столько, что поправлюсь, покрою всѣ расходы и опять обзаведусь лошадьми, да и какими? Чудо! Перещеголяю всѣхъ.

Рѣшивъ это, капитанъ открылъ въ ротномъ штабѣ своемъ конный базаръ и отправилъ для вѣрности и скорости сбыта, по косячку въ разныя стороны, въ продажу. Лошади все были прекрасныя, цѣны имъ назначены невысокія, а по крайности дѣлались сверхъ того еще уступки; словомъ, капитану повезло

счастье; онъ не успѣлъ оглянуться, какъ пушки его сѣли на мели, а пушкари стали пѣшими. Хлопотъ сдѣлалось гораздо меньше: ни корму, ни чистки, ни другихъ заботъ; сбрую убрали въ добромъ порядкѣ подъ навѣсы, и пошли гулять, поджавъ руки. Наконецъ, сдѣлавъ всѣ пріуготовленія, задали знаменитую пирушку, которая длилась трои сутки. Это дѣло кончено было благополучно; ахали и дивились не пустому: никто ничего подобнаго не видалъ. Въ три дня прожито было большое состояніе. Капитанъ разъѣзжалъ по всей окружности и пожиналъ похвалы, изумленія, восклицанія и благодарности.

Но на этомъ самомъ объѣздѣ, гдѣ капитанъ плавалъ въ высшемъ мірскомъ благополучіи и наслажденіяхъ, забывъ все остальное, онъ вдругъ остановленъ былъ самымъ непріятнымъ образомъ, остановленъ въ потокѣ и порывѣ своихъ изъясненій: доложили, что нарочный прибылъ изъ ротнаго штаба съ нужною бумагой. Гонца позвали, распечатали

пакетъ, прочитали и больно измѣнились въ лицѣ. Что такое, что такое? — стали разспрашивать съ большимъ, душевнымъ участіемъ. Ничего, отвѣчалъ капитанъ, — пустое, и отправилъ гонца, сказавъ сухо: хорошо, ступай. — Но покой души не возвращался; знать бѣда была не за горами. Полюбезничавъ какъ-то очень неловко, капитанъ поспѣшилъ распроститься, не согласившись, къ крайнему изумленію хозяйки, остаться до вечера; но сказалъ, что ему ѣхать необходимо по службѣ: обѣщалъ вскорѣ быть опять и уѣхалъ, приказавъ гнать прямо домой.

Дорогой капитанъ много разъ задавалъ себѣ вопросъ: какъ теперь быть и что дѣлать? — но, по поговоркѣ мужика, изладившаго борону въ избѣ и не знавшаго какъ ее вынести, потому что нельзя въ дверь, по поговоркѣ: такъ-то такъ, да вонъ-то какъ? — не могъ придумать ничего. Начальникъ, до котораго дошли слухи о томъ, что дѣлается въ ротѣ у нашего капитана, счелъ за нужное попросить его, чтобы онъ роту свою приготовилъ къ

смотру. «Что пользы въ томъ будетъ, подумалъ этотъ начальникъ, если я нагряну вдругъ, и, заставъ бѣднаго капитана врасплохъ, погублю его окончательно? Можетъ быть, даже и не все то правда, что говорятъ; можетъ быть есть какіе нибудь небольшіе безпорядки, такъ лучше дать ему время оправиться; онъ всегда былъ отличный служака.» Разсудивъ такъ, начальникъ предписалъ капитану готовиться къ смотру, увѣдомивъ его также, котораго числа именно онъ прибудетъ. «Надобно же ему забираться въ такое захолустье, подумалъ капитанъ, и такъ не во время и не къ стати; рота моя стоитъ тутъ такъ хорошо и уютно, въ сторонѣ, въ глуши, что я считалъ себя обезпеченнымъ отъ всякаго инспекторства.... Это однакоже сущая бѣда! Какъ тутъ быть? На козлахъ не вывезешь пушки, да и людей верхомъ на палочку не посадишь!.... Неужели, за эту шутку, мнѣ быть солдатомъ?....»

Прибывъ домой и опомнившись немного, мой капитанъ собрался съ духомъ, созвалъ офицеровъ, объявилъ имъ новость, и

посмотрѣлъ на нихъ, окинувъ всѣхъ поочередно взглядомъ и спросилъ: что они объ этомъ думаютъ? «Я съ своей стороны полагаю, господа, что коли нѣтъ у насъ своихъ лошадей, то нечего дѣлать, надо выѣхать на чужихъ.... Возьмемъ на прокатъ, на подержаніе?....» Капитана любили; онъ былъ увѣренъ, что никто его не выдастъ; притомъ въ то время не требовалось, чтобы въ полку или въ артиллерійской ротѣ всѣ лошади были одной шерсти; капитанъ, получивъ согласіе офицеровъ, разослалъ ихъ тотчасъ же по всѣмъ помѣщикамъ, съ откровенною просьбою выручить его изъ бѣды и дать на двое сутокъ, къ такому–то сроку, сколько у кого есть лучшихъ лошадей на конюшнѣ. Каждому помѣщику порознь говорили, что недостаетъ де нѣñêîлькихъ лошадей, которыхъ, по неудачному въ этотъ годъ ремонту, капитанъ не успѣлъ во время пріобрѣсти; что капитанъ вполнѣ полагается на дружбу и услужливость почтеннаго сосѣда своего, а лошади на эти двое сутки, безъ соìíѣнія будутъ въ добрыхъ рукахъ, у

старыхъ и опытныхъ кавалеристовъ. Всѣ помѣщики, помня хлѣбъ–соль капитана, и расчитывая записать его со временемъ себѣ въ свояки, въ зятья или сваты, одинъ на перерывъ другому поспѣшили отослать лучшихъ лошадей своихъ съ конюшень и заводовъ къ капитану, и въ сутки конная рота сформирована была такъ, что можно было вести ее на показъ, куда угодно.

Генералъ прибылъ въ назначенный день и велѣлъ узнать подъ рукой, все ли исправно: все, говорятъ; рота въ отличномъ порядкѣ; лошади были розданы временно, для откормки, на помѣщичьи конюшни, и воротились въ лучшемъ тѣлѣ, въ превосходномъ видѣ.

Смотръ кончился, и генералъ, къ крайнему удовольствію своему, объявилъ командиру гласно искреннюю, полную благодарность. «Рота ваша такъ хороша, сказалъ онъ, что ее необходимо при первомъ случаѣ показать корпусному командиру. Я хочу теперь только сдѣлать еще одинъ послѣдній опытъ: я не сомнѣваюсь, что при такой исправности это

послужитъ еще къ большему отличію и похвалѣ роты вашей; я хочу видѣть, сколько времени вамъ нужно, чтобы собраться и выступить въ походъ; капитанъ, сколько часовъ вамъ на это дать? Капитанъ отвѣчалъ, не призадумавшись: завтра утромъ въ восемъ часовъ я могу выступить. «Прекрасно, превосходно, продолжалъ генералъ; вотъ это я люблю! Это молодецки! Господа офицеры, прошу и васъ также собраться со всѣмъ; вотъ точно будто вамъ сказанъ походъ; я самъ сяду верхомъ, и мы пустимся на небольшую прогулку. Молодцы, это я люблю!»

Въ восемь часовъ утра генералъ, превеселый, проѣхалъ по фронту, здоровался, благодарилъ, велѣлъ скомандовать по одному орудію на право, вызвалъ съ мѣста пѣсельниковъ, и рота потянулась. Это бы еще ничего; но ее только и видѣли въ этихъ мѣстахъ; генералъ не поскучалъ проводить ее верстъ за пятьсотъ, чрезъ уголъ сосѣдней губерніи, въ третію. Тутъ отведены были ротѣ квартиры, и объявлено, что ей,

можетъ быть, вскорѣ доведется пройтись еще подальше. Генералъ легко нашелъ благовидный предлогъ, и донесъ объ этомъ перемѣщенiи начальству, расхваливъ роту по заслугамъ.

Что же сталось съ помѣщиками нашими? Весь уѣздъ въ одинъ ударъ опѣшалъ. Мужья или отцы лишились лучшихъ лошадей своихъ, а матери превосходнаго, дорогаго жениха. Утрата тутъ и тамъ немаловажная; но за то — каковъ былъ пиръ? Его помнятъ еще о–сю–пору; подобнаго никогда не бывало, шатеръ малиноваго бархата, съ золотомъ, въ десять сажень!

А гдѣ нашъ капитанъ? спрашивали помѣщики, вполголоса, встрѣчаясь другъ съ другомъ.... И въ отвѣтъ на это вздыхали, пожимали плечами, и грустно покачивали головой.

А что говорили барыни? Если бы отъ недобраго помину звенѣло въ ушахъ, какъ говоритъ у насъ повѣрье, то конечно такого трезвону не бывало отъ сотворенiя мiра,

какой бы денно и нощно долженъ былъ раздаваться въ головѣ нашего капитана.